

СИЛА ОБРАЗА

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СКАЖУ сразу: артист Деркин蒂斯 занимает особое место в моей жизни. Достаточно встретить его, и тут же перед глазами встает еще в школьные годы увиденный Фирс в незабываемом спектакле Б. Даугветиса «Вишневый сад». В памяти сразу же возникает и учитель из «Задания» Б. Даугветиса и, конечно же, восседающий в гамаке жених Ломов из «Предложения», постановку которого вместе с другими чеховскими водевилями «Медведь» и «Юбилей» так остроумно и изобретательно осуществил после войны режиссер Р. Юкнявичюс.

Валис Деркин蒂斯 о своем творческом пути говорит кратко, предельно скромно. На вопрос, какая из сыг-

ранных ролей ему больше всего по душе, В. Деркин蒂斯 отвечает: «Наверное, все, потому, что в каждой я что-то искал и каждая мне что-то дала».

Живой, реалистический, глубоко национальный характер — вот что на протяжении десятилетий постоянно утверждает на сцене актер. Точное ощущение разносторонности человеческого характера, человеческих отношений присуще его лучшим актерским работам, таким, как созданные еще в 1931 — 1940 годах на сценах Шяуляйского и Клайпедского театров образы Тартальи («Принцесса Турандот» К. Гоцци), Капса («Гибель «Надежды» Г. Гейерманса), Кирмиса («Властелин» В. Миколайтиса-Путинаса) и Пятраса («Поросль» К. Бинкиса), а затем целая галерея образов, вылепленная на подмостках Академического театра драмы, прочно вошедших в историю литовского советского театра.

Важнейшее место в творчестве В. Деркин蒂斯 принадлежит осмысленно характеров и образов литовской

драматургии. Тут наиболее полно раскрылись и черты национального своеобразия художника. Воссоздавая на сцене образы литовских крестьян, актер избегает внешних этнографических подробностей «приспособлений», уже ставших привычно шаблонными. В. Деркин蒂斯 старается нащупать глубинные психологические, социальные, национальные черты народного характера. Именно поэтому такие «земные», неповторимые, «просоленные» метким жемайтским юмором его лучшие сценические создания. В них Деркин蒂斯, сохраняя верность своему творческому «я», не насилюя своей актерской индивидуальности, в то же время избегает повторного использования, уже однажды найденного, испытанного, принесшего успех.

Надолго запомнился образ крестьянина-бедняка Лабутиса в спектакле «Поют петухи» по пьесе Ю. Балутиса. Может быть, это несколько и субъективно, но у меня перед глазами всегда встает и другой крестьянин Деркин蒂斯 — из другого про-

изведения и другой эпохи. Это Скудутис в «Доле предрассветной» Б. Сруоги, поставленной Р. Юкнявичюсом. В этом правдивом и одновременно поднятом почти до символа образе актер, опять-таки избегая традиционных черт комического «старика», все время оставаясь на грани комического, на первое место выдвигает человечность Скудутиса. Отсюда и его драматизм, который широко раскрывает актер, придавая трагическое звучание всей финальной сцене. Я словно и сейчас еще вижу Скудутиса — Деркин蒂斯, глубоко потрясенного подле безжизненного тела крепостной актрисы Дале, и ясно слышу исполненные трагической силы и оптимизма слова о народной доле и занимающейся заре...

Умение соединить на сцене трагическое с комическим, воспринимать жизненный драматизм сквозь призму остроумия, а смех окрасить драматическими интонациями человеческой судьбы — еще одна черта, присущая творчеству В. Деркин蒂斯. Достаточно вспомнить чеховского Фир-

са из «Вишневого сада» или Раудиса и Дзидориюса в спектаклях режиссера К. Кимантайте «Тревога» и «Кровь и пепел».

Однажды в разговоре он с грустной улыбкой сказал мне: «Я уже стар, очень уж мне подошли бы финальные слова чеховского Фирса». Но я категорически запротестовал: ведь Фирс говорит о бесцельно прошедших годах, а жизнь Деркин蒂斯 — вся наполнена непрестанным творчеством, каждодневным поиском...

Одна из его лучших ролей последнего времени это Лука в горьковском «На дне» (режиссер Ю. Рудзинскас). Каждый, кто видел этот спектакль, мог убедиться в широте понимания актером горьковского образа.

Его Лука — готовый прийти всем на помощь старец; белый пушок поседевших волос, умный взгляд. Этот старик слышит только то, что надобно ему услышать. Он «понимающий», всех быстро «раскусывает». Достаточно вспомнить чеховского Фир-

са становится «своим». Лука — Деркин蒂斯 не просто любопытен. Он словно вбирает в себя все происходящее вокруг, чтобы потом «обобщить» и еще более укрепиться в своей философии утешительства. Лука Деркин蒂斯 — вовсе не смешной старичок, голыми руками его не возьмешь, его не переспоришь. Вместе с тем вся внешность Луки, его вкрадчивость производят впечатление доброты, которая граничит с приторностью. Герой Деркин蒂斯 по-горьковски индивидуализирован и по-горьковски обобщен, сложен и одновременно философски точен в разоблачении благостного утешительства.

С первых же дней существования литовского драмтеатра в Вильнюсе В. Деркин蒂斯 выступает на его сцене. Здесь особенно широко раскрылись его актерские способности, родились его наиболее зрелые работы. Как и на каждом творческом пути, в жизни актера были и художественные неудачи, и горькие поражения. Но и его поражение никогда не было результатом душевной лени,

безразличия или ремесленного подхода к искусству.

У театра есть одно беспощадное свойство — раньше или позже спектакль сходит со сцены, умирает, вместо него рождаются новые. Но у театра есть и другое чудесное свойство, которое недоступно никакому другому искусству, — могучей силой живого сердца актера он способен навсегда пронзить человеческую память. Такой силой обладают и лучшие актерские создания В. Деркин蒂斯.

Мы уже как-то привыкли видеть этого небольшого и спокойного человека в очках, который не спеша шагает по проспекту в сторону театра. Для многих из нас это уже привычная частица города, без которой не легко себе представить наш Вильнюс. Равно как невозможно себе представить нашу театральную жизнь без такой привычной и близкой фигуры актера Валиса Деркин蒂斯.

М. ПЕТУХАУСКАС.

СОВЕТСКАЯ
ЛИТВА